

К. В. ЧИСТОВ

Встречи и переписка с В. П. Адриановой-Перетц

Я не принадлежу к числу тех, кто имеет наибольшее право на воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц. Формально я не был ее учеником, никогда не служил с ней вместе. Но должен сказать, что Варвара Павловна сыграла в моей жизни чрезвычайно большую роль и при этом в очень тяжелые для меня годы.

Я пытался вспомнить, когда состоялось мое первое знакомство с Варварой Павловной. Вспомнить я не мог, потому что это произошло как-то постепенно. Я просто знал, что это Варвара Павловна Адрианова-Перетц, старался читать ее работы, кланялся ей при встрече. Она могла меня и не знать. Потом кто-то (может быть, это была Анастасия Петровна Евгеньева или Наталья Павловна Колпакова, или Марк Константинович Азадовский), вероятно, все-таки в первые послевоенные годы представил меня ей, и с тех пор мы стали здороваться и при встречах разговаривать.

Почти сразу после войны я уехал работать в Петрозаводск и пробыл там довольно долго, поэтому встречи с Варварой Павловной были относительно редкими, но все-таки регулярными; и довольно регулярной была переписка. В первые послевоенные годы я писал кандидатскую работу об Ирине Андреевне Федосовой. Во второй половине 1949 г. я эту работу закончил, привез ее в Ленинград и просил Анну Михайловну Астахову прочитать. С Анной Михайловной мы были знакомы с довоенных лет. Она очень опекала «фольклорную» молодежь (и ту, что начинала подражать вокруг М. К. Азадовского, и другую — всякого, кто только интересовался фольклором). Когда же я в следующий раз приехал в Ленинград, Анна Михайловна сказала мне, что не только прочитала мою работу и она ей понравилась, но и что прочитала ее также Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Я был чрезвычайно удивлен этим и очень польщен, разумеется. Я не знал еще тогда, что Варвара Павловна готовила книгу «Поэтика древнерусской литературы» и специально занималась причитаниями в древнерусской письменности. В те же годы она написала свою статью «Фольклор и древнерусская литература», а впоследствии эта статья оказалась нужна для академического трехтомника «Русское народное поэтическое творчество». Теперь я понимаю, что именно этим объяснялся ее тогдашний интерес к моей работе о Федосовой.

Путь к защите сопряжен был с трудностями: учился я в Ленинградском университете и связан был с довоенных лет с Пушкинским Домом, поэтому естественно, казалось бы, что это были два учреждения, где мог состояться мой кандидатский диспут. Однако декан филологического факультета ЛГУ Г. П. Бердников отказал мне, сказав, что уже два или три года на филфаке ЛГУ нет никаких защит (ВАК провалил какое-то количество работ, и они диссертаций к защите не принимают), — это был конец 1949 г. Когда же я пришел к директору Пушкинского Дома Николаю Федоровичу Бельчикову, тот сказал мне, что Сектор народно-поэтического творчества так занят подготовкой трехтомника, что сотрудникам некогда читать мою работу. Мне оставалось только упомянуть о том,

что Варвара Павловна Адрианова-Перетц и Анна Михайловна Астахова уже знакомы с моей работой. Тогда Н. Ф. Бельчиков сказал, чтобы я пришел через неделю в то же время, и записал это на своем календаре. Как я потом узнал, за 20 минут до назначенного мне времени Николай Федорович ушел из института через черный ход. Я уже почти решил, что придется, наверное, ждать лучших времен. Однако Варвара Павловна и Анна Михайловна взялись устроить мою защиту в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского, деканом факультета русского языка и литературы в котором был тогда Теодор Абрамович Шуб. В те годы там работали и Дмитрий Евгеньевич Максимов, и другие ленинградские литературоведы, знавшие меня. Наконец подошел день защиты (это был январь 1951 г.). Оппонировали мне Варвара Павловна и Анна Михайловна. Я был им чрезвычайно признателен, но все-таки не могу не вспомнить, что Варвара Павловна заставила меня пережить во время этой защиты минуты, близкие к отчаянью. Она написала очень одобрительный и вместе с тем, я бы сказал, острый и полный дискусионности отзыв. Он был мне чрезвычайно интересен, и я приготовился, как мог, отвечать. Но Варвара Павловна, прочитав часть отзыва, оторвалась от текста и увлеклась спором. Надо было знать состав тогдашнего ученого совета Пединститута им. М. Н. Покровского, где одновременно заседали представители кафедр и математики, и физики, и физкультуры, и военного дела, и общественных организаций, и т. д. Мне стало казаться, что в аудитории многие не понимают, обличает ли Варвара Павловна меня в невежестве, в каких-то очень крупных промахах, или идет ученый спор. Однако и сама Варвара Павловна тоже, — как она потом рассказывала, — спохватилась и в конце речи разразилась дополнительными комплиментами, которые вполне «уравновесили» впечатление тех, кто не понимал суть спора. А надо сказать, что защищаться тогда было «неуютно». Частенько кто-то выступал и заявлял, что в диссертации, мол, нет таких-то и таких-то цитат из Маркса, Энгельса, Ленина или Сталина или нет еще чего-то, или просто находилась необычная и поэтому неверная будто бы (влияние буржуазной науки) формулировка, и все могло тут же провалиться, или ВАК могла не утвердить защиту. Незадолго перед этим я и получил письмо — одно из первых писем от Варвары Павловны. Она предлагала мне написать главы о прочитаниях для второго тома «Русского народного поэтического творчества». Это письмо кончалось так: «Мы очень хотим, чтобы Вы написали об этом вкусно». Я несколько оторопел, потому что в моем лексиконе, оценивающим какие-то исследовательские работы, не было такого слова. Потом я узнал, кстати говоря, что Варвара Павловна могла сказать: «Ну что это за глава? Это подогретая котлета». Может быть, сейчас хозяйкам и не очень понятна суть этого выражения, потому что все подогревают котлеты, извлекая их из холодильников, но когда-то считалось, что вкусны только котлеты со сковородки, с первой сковородки. «Подогретая котлета» означала вялую и безвкусную компиляцию. Я размышлял долго: как мне написать? Действительно, благодарный материал в моих руках, но как написать об этом «вкусно»? Я старался сделать именно так, а затем по поводу этой главы были очень интересные встречи с Варварой Павловной.

В это время появился в Пушкинском Доме (я сейчас не буду называть фамилию) некий человек, присланный на заведование Сектором русского народного поэтического творчества после окончания Академии общественных наук. Об этом сюжете надо рассказать потому, что он весьма характерен для писем, которые я тогда получал от Варвары Павловны. В них всегда были какие-то далеко не простые, поучительные и интересные для меня сентенции, советы, какой-то интересный спор (хотя я чувствовал себя еще очень молодым и недостойным этого спора), и вместе с тем все они были пронизаны неизменной иронией. Сегодня, когда я смотрю на портрет Варвары Павловны, приготовленный к юбилейному заседанию, мне ка-

жется, что он был сделан в какой-то печальный для нее день. Обычно у Варвары Павловны были не только удивительно умные глаза, но и с особой озорной искоркой. Что говорить, печальных дней в ее жизни было немало; вероятно, об этом вспомнят те, кто имеет большее на это право. При мне Варвара Павловна никогда не вспоминала об этом. По своей натуре она была веселым человеком. Таковы и письма Варвары Павловны. Я лишь потом понял это ее «вкусно»: надо «вкусно» заниматься наукой, надо «вкусно» написать — надо уметь мастерски это сделать.

А сюжет был такой: Варвара Павловна в одном из первых писем ко мне пишет (цитирую по памяти): «К нам прислали нового заведующего фольклорным сектором. Хорошо, что это мужчина. Впрочем, — пишет она, — на такой курятник одного петуха мало». Дальше в письмах появляется образ некоего Иванушки и почти всегда так: «Наш-то Иванушка сказал то-то» или «Наш-то Иванушка сделал то-то». Этот «Иванушка» напоминал сказочный персонаж — но не горьковского иронического удачника, а скорее иронического неудачника, который очень часто попадал впросак. Вообще в те достаточно трагические времена всегда бывало и что-то смешное. Например, очень смешны были то невежество и те глупости, которые произносились во время знаменитого Большого совета в ЛГУ (в 1948 г.), где громили так называемых «космополитов». Нелепым и смешным казалось, что директором ИРЛИ был кандидат наук, а его заместителями — член-корреспондент АН СССР Адрианова-Перетц и академик М. П. Алексеев. Это было смешно. . . но, конечно, не только смешно.

И вот этот «Иванушка». . . В одном из писем Варвара Павловна написала: «Вы знаете, мы пришли к выводу, что такие люди полезны. Когда написана книга и ее сдаешь в издательство, никогда не знаешь, что скажет человек, который не имеет отношения к науке, но обязан высказывать свое мнение. А вот наш Иванушка прочитает, и нам легче, потому что мы знаем, что может произойти с этим текстом, когда он попадет в руки глупца». Позже этот «Иванушка» был воспитателем в ПТУ.

Находясь в Петрозаводске, я тоже переживал трудные времена. . . В газете «Культура и жизнь» в одной из статей об А. Н. Веселовском была брошена фраза «попугаи Веселовского»; в местной же печати в подражание столичной появились угрозы: «добить попугаев Веселовского» и «добить их последователей во всех городах, включая Петрозаводск». Тогда была такая традиция: при очередной кампании, как говорил М. Е. Салтыков-Щедрин, искать в каждой луже самое страшное чудовище. Пытались искать «космополитов» и в Петрозаводске, и дела развивались совсем не шутя. Был арестован мой ближайший друг Е. М. Мелетинский, который заведовал кафедрой в Петрозаводском университете. Были еще аресты, и я ожидал каждую минуту, что то же самое может произойти и со мной. Очень горько, что в это время я уничтожил переписку со многими интересными людьми, опасаясь, что могу принести большие неприятности письмами, которые у меня найдут. Такова была логика тех времен.

Я уже готовился уйти из Карельского филиала Академии наук в краеведческий отдел местной Публичной библиотеки библиографом. Даже договорился об этом. Ученый секретарь Карельского филиала покойный В. И. Машезерский, который мне сочувствовал, буквально вынудил начальство устроить специальное собрание. Оно должно было вынести решение, космополит я или нет. На собрание был приглашен, по его же совету, Владимир Яковлевич Пропп. Он, конечно, постарался доказать, что я вовсе не космополит. Я рассказываю все это, чтобы стало понятно, на каком фоне развивалась тогда наука. И вдруг мне приходит письмо от Варвары Павловны, где она предлагает так выполнить работу, чтобы она была написана «вкусно». Завязалась переписка. Она тоже удивительна для тех времен, потому что времена были совсем не эпистолярными. Многие в те годы разучились писать письма. Мои друзья повторяли од-

нажды возникшую формулу: «В пору, когда еще существовало книгопечатание, было то-то». А теперь, мол, не вполне так. Это тоже было как бы смешно, но одновременно и трагично. Однако надо было сохранить нравственное здоровье и непосредственность несмотря ни на что.

В те годы Варвару Павловну весьма интересовали причитания, а я продолжал заниматься ими. Что, казалось бы, мог я сказать ей нового? Однако иногда это удавалось. Например, Варвара Павловна как-то упомянула то место Жития Стефана Пермского, где пермская церковь плачет, как вдова, и плачет, как невеста, а я заметил, что это, пожалуй, первое упоминание русских свадебных причитаний. Варвара Павловна взяла свою книгу, стала листать ее при мне, и мы вместе старались вспомнить, не было ли где-то еще подобного упоминания невесты.

Вне зависимости от темы очередной беседы Варвара Павловна никогда не принимала меня официально, сидя за своим письменным столом, и не сажала меня на стул рядом. У нее в комнате был небольшой диванчик, на который мы и садились. Очень часто беседа начиналась вопросом: «А что же нового в этой Вашей фольклористике?» — говорила Варвара Павловна, хотя она, конечно, следила за тем, что происходило в фольклористике, и нового я ей почти ничего не мог рассказать. Но она спрашивала и слушала меня. Иногда слушала, чтобы потом (когда оказывалось, что мы неодинаково относимся к чему-либо) поспорить о том, что было только что напечатано или только что обсуждалось.

Иногда это было просто: «А печатаются ли сейчас какие-нибудь интересные стихи?» Иногда даже о ком-то из знакомых, женился он или развелся. Это тоже было интересно. Варваре Павловне ничто человеческое было не чуждо. Так, в одно из первых моих посещений ее дома она стала расспрашивать о том, в какой семье я рос, что у меня за семья сейчас, есть ли у меня дети, как я провел войну и т. д. Ей хотелось меня понять.

Я необыкновенно ценил эти встречи особенно потому, что в это время почти потерял своего руководителя и неизменного покровителя М. К. Азодовского, который был мне так близок. Он очень болел, а после неслыханных обвинений на ученом совете 1949 г. был настроен трагически, считал, что его вычеркнули из науки. Время показало, что это совершенно не так, — ни один чиновник, в конце концов, не может никого вычеркнуть из науки. Кстати, один из этих чиновников — один из «героев» 1949 г. — уверял недавно в Москве не вполне знающую ленинградские обстоятельства аудиторию, что он состоял в нежной дружбе с «космополитами» (которых громил), в том числе с Г. А. Гукоским и с В. М. Жирмунским. Это было явной ложью: Нина Александровна Жирмунская рассказывала мне, как Виктор Максимович реагировал на попытку этого чиновника «от науки» поздравить академика в один из его юбилеев: Жирмунский послал ему открытку, на которой было изображено здание Ленинградского университета, чтобы тот вспомнил, что там происходило, и одновременно вернул его поздравительную телеграмму.

Времена были достаточно тяжкие, и какими-то удивительно светлыми эпизодами, солнечными полянками в дремучем лесу тех времен были мои встречи с Варварой Павловной. Я тогда очень нуждался в поддержке. Варвара Павловна, узнав об арестах, которые происходили в Петрозаводске, дала мне бесценный совет: «Дорогой мой, зажгите свечу в пещере. И работайте». И я пытался так и делать. Это меня тогда спасло — не уберегло от всех неприятностей, но просто психологически усилило, даже ожесточило, поэтому я считал Варвару Павловну моей духовной крестной матерью. Кстати, она не только оппонировала мне, но и первой произвела в оппоненты. По ее рекомендации я оппонировал на защите кандидатской диссертации Льва Александровича Дмитриева. Это тоже было своего рода поддержкой: я все еще жил в Петрозаводске, но старался как мог не быть провинциалом. Одним словом, я бесконечно благодарен Варваре Павловне и судьбе за то, что она свела меня с нею.